

А.А. Иудин, И.В. Привалов

СООТНОШЕНИЕ ОПТИМИЗМА И ЛОЯЛЬНОСТИ К ВЛАСТИ: (ВТОРИЧНЫЙ АНАЛИЗ ДАННЫХ ВЦИОМ)

Приведены результаты вторичного анализа данных на основе обработки материалов исследования всероссийского опроса ВЦИОМ «Электоральная панель», посвященного предыдущему выборочному циклу, который был проведен в 2013 году. Осуществлен многомерный анализ политических установок населения и социального самочувствия жителей России. Были выделены группы оптимистов и пессимистов. Однако даже внутри групп пессимистов и оптимистов есть люди разного самочувствия. Также рассмотрены группы лояльных и нелояльных к власти. В характеристиках оптимизма находит отражение их социальное самочувствие, а в группах лояльности отражаются их политические установки. Рассмотрены факторы, определяющие социальное самочувствие этих групп. Выявлено разнообразие их политических установок и воззрений, отношение к основным политическим силам современной России, характеру доверия власти и отношения к оппозиции. Осуществлена критика аналитических методов, используемых ВЦИОМ. Для населения страны в целом характерно довольно оптимистичное самочувствие. При оценке качества работы руководителей различных органов власти позиции оптимистов и пессимистов заметно отличаются, однако нельзя говорить о том, что оптимизм совпадает с лояльностью, а пессимизм является нелояльностью. Большинство оптимистов готовы поддержать власть, пессимисты менее склонны к поддержке власти, чаще поддерживают оппозицию. Важной составляющей лояльности является ощущение социального комфорта, социальный оптимизм. Нелояльность – это не столько социальный дискомфорт, сколько дискомфорт политический. Пессимисты довольно часто дают неопределенные оценки политической ситуации, именно эта политическая неопределенность и является основанием их пессимизма. Результаты прошедших выборов Президента и в Государственную думу показывают состоятельность наших выводов.

Ключевые слова: ВЦИОМ, политические ориентации, социальное самочувствие, оптимисты, пессимисты, федеральная власть, лояльность.

Во многих публикациях отмечается, что социальное самочувствие населения может выступать показателем результативности проводимых в стране реформ. Если у большинства населения будет наблюдаться плохое самочувствие, возникает повод задуматься об успешности происходящих изменений, о цене реформ и о путях улучшения ситуации в стране. Однако более тщательный анализ показывает, что это не так.

© Иудин А.А., Привалов И.В., 2018

Иудин Александр Анатольевич – д-р экон. наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», e-mail: iudin@fsn.unn.ru.

Привалов Игорь Васильевич – аспирант кафедры отраслевой и прикладной социологии ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», e-mail: Privalov.i@mail.ru.

В отечественной социологии принято рассматривать несколько подходов к определению понятия социального самочувствия.

В первую очередь это самочувствие рассматривается через удовлетворенность различными сторонами жизни. Некоторые исследователи пошли дальше и предлагают не разделять понятия «социальное самочувствие» и «интегральная удовлетворенность жизнью» [1, 2]. Сторонники данного подхода рассматривают социальное самочувствие как своего рода отражение образа жизни.

Л. Петрова при рассмотрении социального самочувствия молодежи предлагала следующую трактовку: «интегральная характеристика реализации жизненной стратегии личности, отношение к окружающей действительности, субъективные ее стороны» [3]. Социальное самочувствие также рассматривается как «синдром сознания, отражающий отношение к взаимосвязи между уровнем притязаний и степенью удовлетворения жизненно важных потребностей» [3]. Возможность говорить о социальном самочувствии как об оформившемся понятии в российской социологии появилась только с начала 90-х годов. К тому времени накопилось оформившаяся база исследований и публикаций по этой теме, основу которой составили работы психологов, философов и социологов по общественному сознанию [4–6].

Важным в социологическом смысле в изучении феномена социального самочувствия является концепция Ж. Тощенко и С. Харченко о социальном настроении. Авторы постулируют, что именно сознание и поведение людей в конкретно-исторической обстановке обуславливают появление и функционирование различных социальных структур, процессов и явлений общественной жизни. Такой взгляд открывает новые возможности для использования концепции социального самочувствия в изучении современного российского общества. Социальное самочувствие вписывается в данную концепцию в качестве базового элемента, первого уровня социального настроения и включает в себя «актуальное знание, эмоции, чувства, историческую память и общественное мнение» [7].

В период радикальных преобразований в России социальное самочувствие населения страны постоянно менялось. Наиболее тревожным самочувствие людей было в период перестройки и радикальной экономической реформы в начале 1990-х годов [8, с. 100–101]. Тревожное состояние сохранялось в течение 1990-х годов, но на рубеже веков жители России стали спокойнее воспринимать окружающую действительность, хотя второе десятилетие XXI века было наполнено серией экономических кризисов, военными действиями на границах страны и экономическими санкциями Европы и Америки против РФ и соответствующими реакциями населения на эти события [9,10]. Ранее нами предпринимались попытки интерпретации социального самочувствия, однако без учета политической составляющей [11]. Важным представляется связать социальное самочувствие как обобщенную результирующую характеристику адаптации людей к сегодняшней жизни с

лояльностью людей к власти, признанием людьми правильности выбранного властью социально-политического и экономического курса. К показателям социального самочувствия можно отнести разные характеристики, в том числе удовлетворенность населения своей жизнью; оценка человеком своего социального и имущественного положения; представление людей о своем будущем; оценка населением социальной ситуации в своем регионе; восприятие безопасности жизни. Все эти показатели нередко рассматриваются как основание для определения удовлетворенности людей деятельностью власти, причем, чем выше характеристики социального оптимизма, тем выше оценивается готовность соответствующих слоев населения поддерживать власть. Многообразие и сложность социальных процессов, протекающих в современной России, отслеживается многочисленными социологическими службами, наиболее авторитетной из которых является ВЦИОМ, данные которого (Электоральная панель 2012–2013) [12] использованы в настоящей статье. Электоральная панель базируется на обширной общедоступной репрезентативной эмпирической базе данных, полученных в сентябре – ноябре 2013 года. Следует отметить, что ВЦИОМ ограничивается только анализом линейных распределений, однако осуществление более сложных расчетов позволяет получить на базе замеров этой службы более глубокие результаты.

Социальное самочувствие индицируется прежде всего степенью удовлетворенности людей своей жизнью, и в этом отношении сегодня жителям России свойственен оптимизм (39 % удовлетворены жизнью полностью или частично), почти половину что-то устраивает в их жизни, а что-то не устраивает (табл. 1). Доля пессимистично настроенных людей значительно меньше, и почти половина респондентов отмечают, что их что-то устраивает, а что-то нет, но учитывая соотношение оптимизма и пессимизма, очевидно, что в числе этой части частично удовлетворенных все же больше тех, кого обстоятельства жизни устраивают в большей мере, чем не устраивают. Эти данные находят свое продолжение в оценках материального положения семьи. Более двух третей оценивают свое материальное положение как среднее. Однако это среднее материальное положение включает в себя очень разные понятия – от более-менее обильного жизнеобеспечения до довольно скудного. Таким образом, шкала эта неудовлетворительна уже потому, что дифференцируется только небольшая часть населения – с плохим и очень плохим материальным положением (17 %) и хорошим или очень хорошим (13 %). Очень хорошим свое материальное положение сочли лишь 8 человек (0,49 % – округляется до 0 %), а очень плохим – 13 человек (0,8 %). Но очень плохое материальное положение трудно отличить от просто плохого, как и очень хорошее – от просто хорошего. В этих оценках наблюдается большая доля эмоционального восприятия собственного бытия и очевидно, что эти данные нуждаются в уточнениях.

Таблица 1

Оценка удовлетворенности своей жизнью
в зависимости от материального положения семьи, %

Вариант ответа	Материальное положение семьи					
	Выборка	Очень хорошее	Хорошее	Среднее	Плохое	Очень плохое
Выборка	100	0	12	69	16	1
Вполне устраивает	9	74	27	7	0	0
По большей части устраивает	30	13	50	31	11	0
Отчасти устраивает, отчасти нет	47	13	22	53	42	15
По большей части не устраивает	10	0	1	7	32	38
Совершенно не устраивает	4	0	0	2	15	47
Затрудняются ответить	0	0	0	0	0	0

Простейшим способом такого уточнения является пересечение ответов на эти вопросы. Действительно, среди людей, отмечающих средний уровень своего материального положения, 6 % говорят о том, что качество своей жизни их не устраивает (по большей части или совершенно), а более четверти отмечают повышенный уровень удовлетворенности своей жизнью. Таким образом, некое среднее материальное положение в сочетании со средней удовлетворенностью жизни отмечает примерно треть респондентов, а не половина и не две трети жителей России. В этой связи особый интерес представляют две полярные группы. Первая – люди, оценивающие свое материальное положение как хорошее и отмечающие, что жизнь их вполне или по большей части устраивает (оптимисты – 74 %). Вторая – люди, чья собственная жизнь не устраивает и которые имеют плохое материальное положение (пессимисты – 23 %). Понятно, что внутри групп оптимистов и пессимистов есть люди, имеющие разное самочувствие: есть выраженные и умеренные оптимисты, есть умеренные и глубокие пессимисты. Пессимисты при ответе на вопрос о возможных изменениях в жизни своей семьи через год, заметно реже других респондентов ожидают, что жизнь их улучшится, и заметно чаще ожидают ухудшения качества своей жизни. Оптимисты же чаще ожидают улучшения и реже – ухудшения своей жизни, но их оценки ближе к среднестатистическим, чем оценки пессимистов. И это связано не только с тем, что группа оптимистов вдвое больше группы пессимистов, но и с тем, что население страны в целом испытывает довольно оптимистичное самочувствие. Важность определения двух этих групп при анализе социального и политического самочувствия, а также индикаторов их выделения показал в своей работе В. Бойков [13]. Указывая, что «доминирующее значение ценности потребительского общества и прагматические установки жизнеобеспечения.

Эта эволюция взглядов выразилась в приоритете терминальных социальных ценностей (личная безопасность, здоровье, семья и дети, комфортная жизнь и др.) над инструментальными ценностями (профессионализм, образованность, нравственность, межэтническая толерантность и др.)».

Специфика социального самочувствия оптимистов и пессимистов просматривается и в их социально-политических воззрениях (табл. 2). В оценках деятельности федеральных и местных руководителей позиции оптимистов и пессимистов заметно отличаются: просматриваются позитивные и негативные оценки, причем эти оценки коррелируют с уровнем социального самочувствия, однако как лояльность, так и нелояльность к власти просматривается и среди оптимистов, и среди пессимистов.

Таблица 2

Характеристика лояльности жителей России
к федеральной власти, %

Группы лояльности	Выборка	Лояльность		Нелояльность	
		к Президенту	к власти	к Президенту	к власти
Лояльность к Президенту	56	100	100	0	0
Лояльность к власти	40	71	100	0	0
Нелояльность к Президенту	19	0	0	100	67
Нелояльность к власти	28	0	0	95	100

Несомненный интерес представляет измерение групп лояльности к власти (местной и федеральной). Опыт показывает, что лояльность имеет довольно сложную структуру: есть люди, лояльные к местной власти, но нелояльные к федеральной, и (значительно чаще) наоборот. Наиболее высок уровень лояльности к Президенту России, а лояльность к Правительству РФ ниже: доля лояльных к Президенту составляет 56 %, а аналогичная доля по отношению к федеральной власти составляет 40 % (см. табл. 2). Доля людей, в той или иной форме выражающих свою лояльность к Президенту, примерно в три раза больше доли людей, нелояльных к нему, а соотношение долей лояльных и нелояльных к Правительству составляет всего 1,43. И это понятно: лояльность к федеральной власти подразумевает лояльность не только к Президенту России, но и к Премьер-министру, и к Правительству. Характерно, что люди, говорящие о своей лояльности по отношению к Премьер-министру или к Правительству, в своем подавляющем большинстве лояльны и к Президенту. И, напротив, люди, нелояльные к Президенту дают отрицательные оценки деятельности властных лиц и органов власти. Таким образом, именно Президент является фигурой, определяющей сегодня отношение людей к власти.

Следует отметить, что уровень доверия Президенту и Правительству и оптимистов, и пессимистов несколько выше, чем уровень одобрения работы этих органов власти. Так, доля оптимистов, одобряющих и не одобряющих

работу Президента, составляет 73 и 18 % соответственно, а доля доверяющих и не доверяющих Президенту – 80 и 17 % (табл. 3). У пессимистов соотношение одобрения и неодобрения работы Президента составляет 32 и 54 %, а доверия и недоверия – 39 и 57 %.

Таблица 3

Доверие оптимистов и пессимистов органам власти
и их руководителям, %

Органы власти		Выбор-ка	Оптимисты	Пессимисты	Лояль-ные	Нелояль-ные
Доверяют	Президент страны	67	80	39	100	6
	Премьер-министр страны	57	70	29	100	3
	Правительство страны	52	66	26	100	2
	Органы охраны порядка (полиция, ФСБ)	46	61	24	74	13
	Государственная дума	39	54	20	72	5
	Судебная система	41	55	20	67	12
	Глава субъекта Федерации*	55	63	31	81	20
	Мэр города**	47	56	26	72	17
Не доверяют	Президент страны	27	17	57	0	94
	Премьер-министр страны	35	24	66	0	96
	Правительство страны	38	27	65	0	97
	Органы охраны порядка (полиция, ФСБ)	42	30	66	19	81
	Государственная дума	50	38	73	19	92
	Судебная система	45	35	68	22	81
	Глава субъекта Федерации*	31	24	54	11	69
	Мэр города**	34	28	54	14	67

* Глава субъекта Федерации – глава области, губернатор. Для жителей Москвы и Санкт-Петербурга – мэр.

** Мэр города – кроме жителей Москвы и Санкт-Петербурга.

Таким образом, и оптимисты, и пессимисты в заметно большей степени выражают свое доверие или недоверие Президенту, чем одобряют его работу, причем, оценивая свое доверие Президенту и Правительству, как оптимисты, так и особенно пессимисты несколько чаще уходят от ответа, чем при оценках их работы. И действительно, довольно трудно определить, что именно может представлять собой доверие Президенту, Премьер-министру или Правительству. Более понятной является оценка работы – хорошо или плохо работают эти органы власти. Характерно, что чем ближе те или иные органы власти к респондентам, тем менее определенными являются их оценки. Оценки работы Президента – самые определенные, здесь очень мало ушедших от ответа. В оценках работы Премьер-министра и Правительства определенность оценок

несколько ниже, и самая низкая определенность в оценках респондентов работы главы субъекта Федерации (губернатора) и мэра, причем самые неопределенные оценки – мэра. Это устойчивая тенденция, и смысл ее состоит не в том, что люди не знают, как работает их мэр или губернатор – это их интересует гораздо меньше, чем работа федеральных руководителей.

И оптимисты, и пессимисты более всего доверяют Президенту страны, хотя уровень доверия разный. На втором месте у пессимистов – губернатор, а у оптимистов – Премьер-министр. Оптимисты примерно одинаково доверяют Премьер-министру и своему губернатору, а пессимисты доверяют своему губернатору больше, чем Премьер-министру. Таким образом, пессимисты в несколько большей мере сориентированы на местную власть. Лояльные на 100 % доверяют всем представителям федеральной власти, у нелояльных доверие этим органам на уровне шума – от 2 до 6 %. Гораздо выше у них доверие главе субъекта Федерации (губернатору). Собственно, именно губернатор является лицом, которому доверяет примерно пятая часть нелояльных, доверие остальным лицам и органам власти ниже, хотя некоторым доверием у них пользуется и мэр города. Таким образом, нелояльные (как и пессимисты) в большей мере ориентируются на местную власть, причем эта тенденция у них выражена более явно.

Невысокие оценки деятельности Государственной думы не связаны с неудовлетворенностью людьми ее деятельностью: после расстрела танками здания Верховного Совета Российской Федерации в октябре 1993 года Законодательные органы власти, имевшие до этого случая довольно высокий авторитет у населения, потеряли его. Наиболее высоким авторитет представительных органов власти имел место в период Первого съезда народных депутатов СССР, ход которого транслировался по телевидению, и население страны внимательно наблюдало в тот период за дебатами. Интересно, что и тогда заметно отличие оценок оптимистов и пессимистов [8, с. 94–96]. В настоящее время авторитет Думы постепенно восстанавливается, однако в иерархии оценок деятельности различных органов власти представительные и законодательные органы продолжают занимать низшие позиции. Недоверие людей этой ветви власти усиливается в периоды обострения политических и социально-экономических проблем.

Политическая лояльность и нелояльность имеет социальную природу, отличную от оптимизма, и вычисляется по другим индикаторам. Например, группа исследователей Техасского университета в Остине связывает лояльность с повышенным использованием новостного контента, на основании которого человек формирует свои политические предпочтения [14, 15], однако в своей предыдущей работе мы доказали, что влияние новостей на политические самоориентации весьма ограничены и носит избирательный характер [16]. В известной мере социальная природа лояльности просматривается через распределение ответов представителей разных групп на вопрос о готовности людей поддержать власть или оппозицию. Две трети оптимистов (67 %) в большей или меньшей степени

готовы поддержать власть, и лишь 16 % оптимистов склонны поддерживать оппозицию (табл. 4). Пессимисты в меньшей мере склонны к поддержке власти (29 %), но более склонны поддерживать оппозицию (47 %). И оптимисты, и пессимисты дают как положительные, так и отрицательные оценки деятельности представителей власти, хотя пессимисты оценивают это несколько строже. Соразмерно с готовностью к поддержке оппозиции у пессимистов выражено настроение отторжения и тех, и других. Можно предположить, что именно эта политическая неопределенность и является основанием их пессимизма. Однако в максимальной степени ни власть, ни оппозиция не устраивают прежде всего нелояльных, почти половина из которых выбирает этот вариант ответа. Отторжение и власти, и оппозиции для нелояльных является почти вдвое более привлекательным вариантом, чем представление о какой-либо поддержке оппозиции. Достаточно последовательную позицию по этому вопросу занимают только лояльные, из которых лишь 6 % не заявляют о своей готовности к поддержке власти, в том числе 3 % лояльных готовы скорее поддерживать не власть, а оппозицию, и еще 3 % не нравятся ни те, ни другие.

Таблица 4

Готовность респондентов поддержать власть или оппозицию, %

Варианты ответов	Выборка	Оптимисты	Пессимисты	Лояльные	Нелояльные
Безусловно готовы поддержать власть	16	24	4	31	2
Скорее готовы поддержать власть	39	43	25	57	5
Скорее готовы поддержать оппозицию	9	7	14	3	20
Безусловно готовы поддержать оппозицию	4	2	10	0	11
В равной степени не устраивает ни власть, ни оппозиция	20	14	38	3	49
Затрудняются ответить	11	10	9	6	13
Нет ответа	1	0	0	0	0
Индекс поддержки	3,61	3,89	2,99	4,24	2,62

Интересно сравнение уровня готовности поддержать власть с уровнем готовности голосовать за В.В. Путина на пост Президента в ближайшее воскресенье (напомним, что опрос был осуществлен осенью 2013 г.). Обращает на себя внимание высокий уровень совпадения во всех группах готовности поддержать власть и голосовать за Путина (рисунок). Это совпадение показывает, во-первых, что отношение к власти в значительной мере совпадает с отношением к личности Президента Путина, что подтверждает в своей работе И. Кузина [17]: «В обыденном сознании зачастую отсутствует четкое раз-

деление таких понятий, как институт президентства и конкретный президент». Здесь в обыденном сознании мы можем наблюдать некоторое сращение понятия власть и Президент, что несколько размывает их уровень доверия. Во-вторых, важной составляющей лояльности является ощущение социального комфорта, социальный оптимизм. В-третьих, нелояльность – это не столько социальный дискомфорт, сколько дискомфорт политический. Пессимисты как представители социального дискомфорта в четыре раза чаще готовы были голосовать за Путина и столь же часто готовы были поддерживать существовавшую в момент опроса власть.

Рис. Сравнение готовности представителей разных групп поддержать власть и голосовать за Путина, %

Очевидно, что анализ оппозиционных настроений населения должен осуществляться самостоятельно и его целесообразно выстраивать на принципиально иных основаниях. Например, в этом плане больше дает анализ ориентаций на личности лидеров, а не на партии. И действительно, В. Путина готово поддерживать большее число респондентов, чем партию власти. А, например, М. Прохорова положительно оценивают 5 % респондентов, в то время как его партию – всего 3 %. Важным здесь является и то обстоятельство, что представители оппозиционных установок стоят на принципиально разных позициях и целесообразен анализ не названия оппозиционных партий и имена их лидеров, а нужен анализ оппозиционных воззрений, но эту идеальную сферу невозможно исследовать с использованием только линейных распределений и парных статистических группировок, необходим многомерный анализ данных. К сожалению, в этот раз ВЦИОМ ограничился объясняющей и иллюстративной функцией социологии [18], не переходя, по сути

дела, к реальной аналитической работе [19, 20]. Результаты прошедших выборов Президента и в Государственную думу показывают состоятельность наших выводов. В этом контексте представляется интересным разбор соотношения пессимизма и лояльности в динамике, чему посвящен следующий блок наших публикаций.

Список литературы

1. Орлова Л.А. О социальном самочувствии учителей Московской области // Социологические исследования. – 1998. – № 8. – С. 88–94.
2. Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи / Институт социологии РАН. – М., 1992. – 102 с.
3. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50–55.
4. Грушин Б.А. Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования. – М., 1987. – 368 с.
5. Дубченко О.Н., Мытиль А.В. Социальная идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. – 1995. – № 6. – С. 110–119.
6. Рубина Л.Я. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. – 1996. – № 6. – С. 63–75.
7. Тощенко Ж.Т., Харченко С.В. Социальное настроение. – М.: Academia, 1996. – 312 с.
8. Иудин А.А. Социальные трансформации: экономические установки населения и массовое политическое сознание (1988–1999 гг.). – Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской акад. гос. службы, 1999. – 330 с.
9. Протестные настроения. Уровень недовольства властями и готовность протестовать [Электронный ресурс] / Фонд «Общественное мнение». – URL: <http://fom.ru/posts/11090> (дата обращения: 13.09.2017).
10. Протестный потенциал. Общественный протестный потенциал [Электронный ресурс] / ВЦИОМ «Спутник». – URL: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (дата обращения: 13.09.2017).
11. Иудин А.А., Привалов И.В. Самочувствие населения России: вторичный анализ данных ВЦИОМ // Социальные преобразования и социальные проблемы: сб. науч. тр. – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. – Вып. 16. – С. 51–64.
12. Проект исследования электорального поведения россиян «Электоральная панель» [Электронный ресурс]. – URL: <http://politpanel.wciom.ru/> (дата обращения: 13.09.2017).
13. Бойков В.Э. Социально-политические ценностные ориентации россиян: содержание и возможности реализации // Социологические исследования. – 2010. – № 6. – С. 27–35.

14. Political Participation and Ideological News Online: “Differential Gains” and “Differential Losses” in a Presidential Election Cycle / J. Brundidge, K. Garret, H. Rojas, H. Gil de Zúñiga // *Mass Communication & Society*. – 2014. – № 17 (4). – P. 464–487.

15. Gil de Zúñiga H., Molyneux L., Zheng P. Political Expression and Political Participation: Panel Analysis of Lagged and Concurrent Relationships // *Journal of Communication*. – 2014. – № 64 (4). – P. 612–634.

16. Иудин А.А., Привалов И.В. Формы восприятия телезрителями политических новостей // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки*. – 2018. – № 2. – С. 36–48.

17. Кузина И.И. Доверие политическим институтам: теоретические представления и подходы к эмпирическому измерению // *Вестник Одесского нац. ун-та*. – 2010. – Т. 15, вып. 14. – С. 67–75.

18. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены // *Альманах / ВЦИОМ*. – М., 2015. – 322 с.

19. Иудин А.А., Шпилев Д.А. Российская социология в поисках новой концепции // *Социальные преобразования и социальные проблемы: сб. науч. тр.* – Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2012. – Вып. 14. – С. 25–33.

20. Иудин А.А., Шпилев Д.А. Современная социология: объясняющая и аналитическая // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки*. – 2014. – № 2 (34). – С. 54–61.

References

1. Orlova L.A. O sotsial'nom samochuvstvii uchitelei Moskovskoi oblasti [About social well-being of the Moscow region teachers]. *Sociological Studies*, 1998, no. 8, pp. 88–94.

2. Davydova E.V. Izmerenie sotsial'nogo samochuvstviia molodezhi [Social well-being measurement of young people]. Moscow, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 1992, 102 p.

3. Petrova L.E. Sotsial'noe samochuvstvie molodezhi [Social well-being of youth]. *Sociological Studies*, 2000, no. 12, pp. 50–55.

4. Grushin B.A. Massovoe soznanie. Opyt opredeleniia i problemy issledovaniia [Mass consciousness. Experience of definition and research problems]. Moscow, 1987, 368 p.

5. Dubchenko O.N., Mytil' A.V. Sotsial'naia identifikatsiia i adaptatsiia lichnosti [Social identification and adaptation of the personality]. *Sociological Studies*, 1995, no. 6, pp. 110–119.

6. Rubina L.Ia. Professional'noe i sotsial'noe samochuvstvie uchitelei [Professional and social well-being of teachers]. *Sociological Studies*, 1996, no. 6, pp. 63–75.

7. Toshchenko Zh.T., Kharchenko S.V. Sotsial'noe nastroyenie [Social mood]. Moscow, Academia, 1996, 312 p.

8. Iudin A.A. Sotsial'nye transformatsii: ekonomicheskie ustanovki naseleniia i massovoe politicheskoe soznanie (1988–1999 gg.) [Social transformations: economic settings of the population and mass political consciousness (1988–1999)]. Nizhny Novgorod, Academy of Public Administration, 1999, 330 p.

9. Protestnye nastroyeniia. Uroven' nedovol'stva vlastiami i gotovnost' protestovat' [Protesting moods. The level of discontent with the authorities and the willingness to protest]. Obshchestvennoe Mnenie Foundation, available at: <http://fom.ru/posts/11090> (accessed 13 September 2017).

10. Protestnyi potentsial. Obshchestvennyi protestnyi potentsial [Social protest potential]. Sputnik Public Opinion Research Centre, available at: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (accessed 13 September 2017).

11. Iudin A.A., Privalov I.V. Samochuvstvie naseleniia Rossii: vtorychnyi analiz dannykh VTsIOM [Russian population well-being: secondary analysis of VTsIOM data], available at: https://wciom.ru/news/ratings/protestnyj_potencial/ (accessed 13 September 2017).

12. Proekt issledovaniia elektoral'nogo povedeniia rossiian “Elektoral'naia panel” [Research project on electoral behavior of Russians], available at: <http://politpanel.wciom.ru/> (accessed 13 September 2017).

13. Boikov V.E. Sotsial'no-politicheskie tsennostnye orientatsii rossiian: sodержanie i vozmozhnosti realizatsii [Social and political value orientations of Russians: content and possibilities of realization]. *Sociological Studies*, 2010, no. 6, p. 27–35.

14. Brundidge J., Garret K., Rojas H., Gil de Zúñiga H. Political participation and ideological news online: “differential gains” and “differential losses” in a presidential election cycle. *Mass Communication & Society*, 2014, no. 17(4), pp. 464–487.

15. Gil de Zúñiga H., Molyneux L., Zheng P. Political expression and political participation: panel analysis of lagged and concurrent relationships. *Journal of Communication*, 2014, no. 64(4), pp. 612–634.

16. Iudin A.A., Privalov I.V. Formy vospriiatiia telezriteliami politicheskikh novostei [Types of political news perception by TV viewers]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*, 2018, no. 2, pp. 36–48.

17. Kuzina I.I. Doverie politicheskim institutam: teoreticheskie predstavleniia i podkhody k empiricheskomu izmereniiu [Trust in political institutions: theoretical concepts and approaches to empirical measurement]. *Odesa National University Herald*, 2010, vol. 15, iss. 14, pp. 67–75.

18. Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Public opinion monitoring: economical and social changes]. *Al'manakh. VTsIOM*. Moscow, 2015, 322 p.

19. Iudin A.A., Shpilev D.A. Rossiiskaia sotsiologiia v poiskakh novoi kontseptsii [Russian sociology in search of a new concept]. *Sotsial'nye preobrazovaniia i sotsial'nye problemy*. Nizhny Novgorod, NISOC, 2012, iss. 14, pp. 25–33.

20. Iudin A.A., Shpilev D.A. Sovremennaiia sotsiologiia: ob"iasniaiushchaia i analiticheskaia [Contemporary sociology: explaining and analysis]. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Social Sciences*, 2014, no. 2 (34), pp. 54–61.

Оригинальность 88 %

Получено 05.04.2018 Принято 04.05.2018 Опубликовано 28.09.2018

A.A. Iudin, I.V. Privalov

THE CORRELATION OF OPTIMISM AND LOYALTY TO THE GOVERNMENT (SECONDARY ANALYSIS OF VCIOM DATA)

The article presents the results of the secondary data analysis based on nationwide survey «Electoral panel» conducted by VCIOM, which deals with the previous election cycle. The survey includes multi-variate analysis of socio-political characteristics. The groups of optimists and pessimists have been identified. However, there are different types of people even inside these groups. In addition, we identified the loyal and the disloyal to the government. Optimism connected with social well-being and loyalty represents people's political settings. The factors determining social well-being have been explored. The diversity of their political attitudes and views, nature of trust in government and attitude towards opposition have been considered. A critical approach to VCIOM's methods of analysis and survey tools has been demonstrated. The population of the country has been found to be quite optimistic. In the question of government quality of work, positions of optimists and pessimists are markedly different, but we cannot say that optimism coincides with loyalty, and pessimism is disloyal. Most of the optimists are ready to support the government, pessimists are less prone to support the government, and are more likely to support the opposition. An important component of loyalty is a sense of social comfort, social optimism. Disloyalty is not only social discomfort, but it is more about political discomfort. Pessimists are not determined with their attitude towards political situation. And only this political uncertainty is the only source of their pessimism. The results of recent elections confirmed our conclusions.

Keywords: VCIOM, political orientations, social health, optimists, pessimists, federal power, loyalty.

Aleksandr A. Iudin – Doctor of Economics, Professor, Department of Sectorial and Applied Sociology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, e-mail: iudin@fsn.unn.ru.

Igor V. Privalov – Postgraduate Student, Department of Sectorial and Applied Sociology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. e-mail: Privalov.i@mail.ru.

Received 05.04.2018 Accepted 04.05.2018 Published 28.09.2018